нее ориентировался на знакомые ему описания У. Кокса и его французского переводчика Рамона, О.-Б. Соссюра и др.[93] Но вместе с тем русский путешественник постоянно корректировал эти описания, соотнося их со своими собственными непосредственными впечатлениями. Так, он по-своему стремился рассказать о Гриндельвальдских ледниках, многократно воспетых его предшественниками: «Вообразите себе между двух гор огромные кучи льду, или множество высоких ледяных пирамид, в которых хотя и не видал я ничего подобного хрустальным волшебным замкам, примеченным тут одним Французским Писателем, но которые в самом деле представляют для глаз нечто величественное. Не знаю, кто первый уподобил сии ледники бурному морю, которого валы от внезапного мороза в один миг превратились в лед, но могу сказать, что это сравнение прекрасно и справедливо, и что сей путешественник или Писатель имел пиитическое воображение».[94]

Рисуя природу Швейцарии, Карамзин, конечно, во многом следует и за Руссо, впервые открывшим для литературы горный альпийский пейзаж.[95] Но при этом русский автор не просто перефразирует отдельные описания, а усваивает самое важное — принцип постоянной соотнесенности пейзажа со своим душевным состоянием. Природа оказывается средством самовыражения «чувствительного» человека: «...до Руссо никому не было известно такое мечтательное отношение к природе с такой индивидуальной силой ощущения».[96]

Вместе с тем пантеизм, свойственный как Руссо, так и русским сентименталистам, был связан с эстетическими представлениями, характерными уже для Шефтсбери. «Вся жизнь, вся природа — нежная или суровая — говорит о боге... — писал английский философ. — О, величественная природа! Наивысшая красота и наивысшее Добро!».[97]

Пантеистические идеи, получившие самое широкое распространение в литературе сентиментализма, приобретали одновременно этический характер. По-своему это выразили в своем творчестве и Муравьев, и Карамзин, и Измайлов, и другие русские писатели нового направления.

Самая способность воспринимать красоту природы Муравьеву представлялась своеобразным нравственным критерием: наслаждаться природой может не каждый. «Великолепие и вся красота природы, — писал Муравьев, — вкушаются только невинным сердцем! <...> Спокойная совесть творит природу прекрасную».[98]

---

[93] См.: Сиповский В. В. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899, с. 272—286.

[94] Карамзин Н. М. Письма русского путешественника, с. 135.

[95] См.: Бизэ А. Историческое развитие чувства природы, с. 267.

[96] Там же, с. 281.

[97] Цит. по кн.: Адамян А. Шафтсбери (1671—1713). — В кн.: Адамян А. Статьи по эстетике. Ереван, 1967, с. 139.

[98] Муравьев М. Н. Обитатель предместия. — В кн.: Русская сентиментальная повесть, с. 74.